

*Спасибо Агнешке Ходковске-Гюрч и НДП
за то, что вдохновили на написание этой истории,
моей семье — за поддержку и понимание, Вячеславу
Бакулину и Игорю Минакову — за неоценимую по-
мощь и участие в судьбе книги.*

Пролог

Старик откинулся назад, прикрыв побелевшие глаза. Ткань грядущего, еще мгновение назад плотная и шершавая, как грубая мешковина, расплзлась. Лопались волокна времени. И через прорехи уже глядело в глаза старому словнику еще не наступившее, но уже предрешенное тысячью тысяч совпадений, переплетениями судеб, тьмой тончайших связей и мельчайших узелков.

Старик увидел поле. Темное, местами тронутое робкой темной весенней зеленью. Из неясной дымки грядущего выступили полки, страшные в своем безмолвии. Только ветер неторопливо шевелил стяги, да солнце всплескивало искрами на гербах.

Черный всадник на гордом вороном жеребце двигался по полю навстречу замершим полкам. Его плащ без гербов, блестящий как вороново крыло, спускался по крупу коня, и даже гуляка-ветер не смел коснуться его своей невидимой рукой.

Всадник выкрикнул что-то, подняв вверх обнаженную ладонь. И тишина лопнула.

Все завертелось перед глазами старого ясновидца, словно кто-то в единое мгновение выдернул у него из-под ног зеленый бархат поля. В круговерти странного и бессмысленного боя полки бросались на одинокого всадника, как своры на черного дикого кабана. Он скидывал руку — и нападавшие корчились на земле.

Невредимый, страшный и неуязвимый, будто призрак, по-прежнему выкрикивая что-то, всадник удерживал на месте вороного.

И тут туман отхлынул, и перед самым лицом старика явился рослый красавец. И казалось, само солнце ласково улыбнулось ему, бросив горсть золота в русую кудрявую голову. В одно мгновение голубой плащ оказался рядом с черным. Бесстрашный юноша ударил первым и скорчился от боли. Вороной рухнул, забился и через мгновение затих. Седок с ловкостью лисы выпрыгнул из седла, бросил на коня быстрый взгляд и выставил вперед ладонь — обороняясь или останавливая храбреца, выкрикнул что-то. Но юный витязь вцепился в противника мертвой хваткой. По плечам, по оторочке плащей брызнули искры. Юноша рухнул, попытался приподняться, опершись рукой на траву. И в этот момент совсем рядом, в паре шагов от противников, пелена сущего лопнула. И в глаза ясновидцу глянула она. Топь. Переливаясь и дрожа, огромное радужное око уставилось — нет, не на сражающихся — прямо в лицо словнику.

Чувствуя, как видение уходит, растворяется, скрывается за плотным пологом необратимого и свершенного «сегодня», словник напряженно взгляделся в лицо мага-призрака. Но увидел перед собой уже не один, два радужных глаза. Безногая улыбнулась и погрозила старику пальцем. Не суйся, мол, батюшка, куда Смертушка не велит. Иначе быть беде.

Старик отшатнулся, крепко зажмурился и решил открыть глаза, лишь когда радужное сияние меж ресницами сменилось непроглядной тьмой.

— Землица, заступница, — прошептал старик, утирая со лба крупные капли пота, — ...

Глава 1

— Матушка, помоги! — задыхаясь от бега, едва выговаривал мельник. — Помрет! Помирает!

Агнешка торопливо перевязала волосы платком и схватила с лавки берестяной короб с травами.

— Кто с ней? — сурово спросила она, надеясь, что перепуганный мельник не заметит дрожи в голосе.

— Бабка Лампея, — пробормотал он, словно извиняясь. — На камне распинала... Вокруг жертвенника водила. Да только без толку. На тебя, матушка, единая надежда!..

Агнешка сорвала с веревок, натянутых вдоль печи, еще несколько пучков едва подвялившихся трав. Крестоцвету бы еще седмицу повисеть — но без него никак.

Вечоркинский мельник уже мялся в дверях, перетаптываясь с ноги на ногу и держась за разболевшийся от бега бок. Агнешка сунула ему в руки туесок с травами и пустое ведро.

— Воды набери холодной, — приказала резко, грозно, чтоб не мешкал. — Не теплой, а стьюлой.

— Бегу, матушка, глазом единым моргнуть не успеешь, обернись... — залопотал мельник, гремя ведром, и бросился вдоль по улице.

Агнешка вздохнула и быстро пошла следом.

— Матушка, — шепотом с невеселой улыбкой прошептала она. — Матушкой зовет. Кабы и вправду была

здесь матушка, не кривлялась бы так ваша бабка Лампея — егозила бы вокруг да руками всплескивала. Матушку первой к роженице звали...

От воспоминаний на глаза навернулись слезы, но Агнешка только опустила голову да пару раз резко махнула ресницами, чтобы слезинки не потекли по щекам, а упали в траву. Заметят крестьяне, что травница плакала, — не вышло бы чего дурного.

До дома мельника было едва ли шагов сто. Только дом стоял совершенно пустой, лишь во дворе лениво подбирала клочки сена разморенная от жары лошадь.

Агнешка оглянулась, надеясь понять, куда неугомная деревенская колдунья уволокла бедную роженицу. Отвела за ухо косынку, прислушалась. И почти побежала через все Вечорки вправо, в сторону реки. Там, на самом берегу, стоял большой валун — серый от времени, с одной стороны облепленный мхом, а с другой — липкой зеленой тиной.

На пологом склоне валуна лежала, нелепо раскинув руки, красная от боли и натуги мельничиха. В ногах у нее завывала бабка Лампея. Вокруг толпились люди.

Завидев спешащую к ним Агнешку, колдунья рухнула лицом в камень и застонала, подвывая и трясясь всем своим маленьким тщедушным телом:

— Землица-родимица, женская заступница! Как ты тот камень из себя выродила, так пусть дочь твоя, к твоей благодати и силе припадающая, дитя свое из чрева вытолкнет.

Лампея еще шире обхватила руками камень, и Агнешка заметила, как серый валун посветлел, будто внутри его разгорался невидимый глазу костер. Белые ручейки-трещинки потянулись от основания камня к распластанному телу мельничихи. И в этот момент

молодая женщина согнулась от боли и закричала так страшно, так дико, что колдовская пелена мгновенно распалась на тысячу блеклых лоскутков.

Агнешка бросилась вперед, яростно расталкивая руками зевак:

— Что ж ты, бабка, плод гонишь, — закричала она, отгаскивая Лампею от камня, — лежит плохо, а ты гонишь. Убьешь!

Лампея отвалилась от камня, зло и устало сопя, но Агнешка уже не обращала внимания на фыркающую колдунью. Она подхватила под руки сползающую с камня мельничиху.

— Больно, — сдавленно прошептала та.

— Терпи, красавица, терпи, касаточка, — пробормотала ей в самое ухо Агнешка, — и не тужься.

— Да как же!.. — воспротивились было толпившиеся вокруг бабы, но Агнешка зыркнула на них так сурово, что кумушки замолчали и попятились.

— Как?.. — выдохнула мельничиха, сжимаясь от боли. Агнешка осторожно, но сильно надавила пальцами одной руки ей на поясницу, а второй крепко сжала дрожащую ладонь роженицы.

— Так, голубушка, — уговаривала она, покуда схватка не отошла и мельничиха не выдохнула. — Тужится — а ты не тужься. Дитя не торопи. Как придет время — я тебе скажу. А пока терпи — дыши медленно.

Мельничиха глубоко вздохнула, но снова скорчилась от боли. Агнешка опять принялась разминать ей спину, медленно отводя от белеющего на глазах камня.

— Что стоите? — вполголоса прикрикнула она на зевак. — Муж где?

— Здесь, матушка. — Толпа выпустила запыхавшегося мельника. Бедняга, багровый от жары и страха за

жену, протянул Агнешке туюсок и поставил к ее ногам ведро холодной воды. — Все как ты велела.

— Где роженице приготовлено? — грозно спросила она у баб. — Теплая вода где ребенка мыть?

— В доме, — испуганно отозвались из толпы. — Так не родит ведь...

— Как не родит? Аль глаз нету! — огрызнулась Агнешка. — А ты хочешь, чтоб померла? Ну, тогда стой, гляди...

— Что ж ты, мату... — начал было мельник, но Агнешка обернулась к нему, гневно махнув рукой.

— А кто хочет, чтоб жила — вон отсюда. Да так, чтоб духу вашего... — прошипела она. — Маришка, из дому воду да новину принесешь. А остальные — кто сюда заглянет, на том смерть ее будет. — Агнешка ткнула пальцем в тяжело дышавшую роженицу.

Бабы толпой ринулись в деревню, подхватив застиранные подолы. Агнешка вытерла вспотевший лоб и окунула лицо в ледяную воду. Уж коли повой на реке, так не к лицу повитухе в обморок от жары падать.

Она быстро стащила с себя нижнюю юбку и, расстелив на земле, уложила на нее тяжело и прерывисто дышавшую мельничиху. Бедная женщина стонала так, что у Агнешки разрывалось сердце. Она приложила руки к огромному напряженному животу роженицы и принялась осторожно ощупывать, стараясь определить, как лежит плод. И задохнулась от страха, поняв, что самой мельничихе не разродиться. Дитя лежало поперек.

— Как, матушка, — простонала мельничиха, стараясь приподняться и заглянуть в потемневшее лицо лекарки, — рожу аль Землице молиться?

Агнешка достала из туюска небольшой кусок растекшегося на жаре сала, размяла в пальцах крестоцвет и

немного мяты и, смешав все вместе, положила в крышку. Развела согнутые колени роженицы, тщательно обмыла ее бедра, живот и вымазала их своей жирной травяной мазью.

Потом, подхватив и приподняв одной рукой голову обессиленной от боли мельничихи, другой влила ей в приоткрытые губы пару капель из маленького глиняного кувшинчика, до того скрытого в складках лекарской широкой юбки.

— Сейчас, голубка, — прошептала она на ухо роженице, — легче будет.

Маришка не торопилась. Лес был темным и немым.

Агнешка с досадой подумала о том, что, видно, слишком уж припутнула деревенских, так что они лучше уморят красавицу мельничиху, чем вновь приблизятся к разозлившейся ведьме.

Значит, кипяченой воды и чистого белья ей не дожидаться.

Агнешка быстро огляделась, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что могло бы послужить полотенцем, раздраженно помянула лесное лихо и радужную топь и принялась стаскивать с себя верхние юбки и рвать их на лоскуты.

Оставшаяся в одной длинной рубашке, она тщательно вымыла руки, насухо вытерла их и щедро смазала тем же жиром, который до этого наносила на бедра и живот роженицы. Заглянула мельничихе в лицо, проверяя, подействовал ли настой. Присела возле нее на колени.

— Маменька, помоги! Ведь коли она умрет — и мне по белу свету не ходить...

И Агнешка, сжав челюсти, чтобы не подпустить к горлу скрутивший все в животе страх, ввела одну руку,

сложив ее лодочкой, тем путем, где — как надеялась — скоро пройдет наследник деревенской мельницы.

Роженица выгнулась и застонала жалобно и протяжно. От стога Агнешка вздрогнула всем телом, но руки ее, уверенные и опытные, продолжали двигаться так, как надо. Когда кисть правой скрылась в родовых путях, левая рука, положенная на живот женщины, отыскала дно матки.

Словно повинувшись одному только инстинкту, а не испуганному и усталому мозгу маленькой лекарки, правая рука двинулась вдоль бока младенчика. Пальцы осторожно обхватили маленькую ножку: большой — под колено, остальные — нежно, но крепко — за голень. И облегченно выдохнула, когда захваченная ножка пошла вниз. Агнешка осторожнохватила и вторую, обе показались наружу. Вышли до колена.

Здоровая, крепкая крестьянская природа брала свое — роды пошли сами, а обессилевшая от волнения и жары Агнешка лишь направляла их.

Уложила новорожденного на белый лоскут юбки. Пережала пальцами пуповину, покуда не стихло пульсирующее биение крови. Перевязала. Приняла послед.

Словно отозвавшись на крик ребенка, из лесу выскочила Маришка с ведром воды и небольшим деревянным корытцем, полным новины.

Агнешка радостно улыбнулась ей, предчувствуя, что сейчас можно будет передать девчонке здоровенького, истощенно пищущего новорожденного и заняться измученной родами мельничихой.

Вслед за Маришкой из-под прикрытия густого подлеска, как горох, высыпали бабы, видно, до конца не верившие в то, что маленькая травница в силах сделать то, что не удалось бабке Лампее. Приковыляла и сама старая

ворожея, отдуваясь и бормоча под нос, но Агнешка улыбнулась ей самой доброй и открытой улыбкой — лишь бы деревенская колдунья поняла, что рознь забыта, прошлого никто не вспомнит, а она — Агнешка — ей не враг.

Полуденный жар туманил голову, а глаза медленно заволакивало матовой горячей пеленой. Агнешка, не вставая с колен, отползла от уснувшей и улыбавшейся во сне роженицы и передала ее в руки порозовевшей от удовольствия Лампее, которая тотчас скликала добровольцев, согласных вновь перенести женщину на остывающий валун. Старуха завывла и заухала, призывая свою магию. Припадая к валуну, валясь на горячий песок, она выкрикивала врачующие заклинания.

Агнешка помнила их все до одного, поэтому, поняв, что старуха знает свое дело, позволила себе отойти в сторонку и прилечь в тени склонившейся над рекой плакучей ивы.

По правде говоря, залечить разрывы, вернуть силы роженице помогли бы и ее травы, да только времени и сил для этого понадобилось бы больше.

Агнешка вздохнула и еще раз пожалела, что не унаследовала от матушки ее магической силы. Будь она хоть слабенькой магичкой, хоть деревенской ворожеей — у нее был бы сейчас дом. Настоящий дом, в котором можно было бы жить, не опасаясь перемен. Будь на то матушкина воля, она отдала бы доченьке всю свою силу, как щедро отдавала любовь и знания травницы и лекарки. Но из-за отца Агнешке не досталось ни капли материнской магии...

— Получилось у меня, матушка, — вздохнула Агнешка, закрывая обожженные солнцем глаза и натягивая на голые колени рубаху, — и дитя спасла. И ее... тоже... Мертвячка...